

ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ЭЛЕМЕНТЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Осипян Б.А., кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Российская Федерация, *artos5@mail.ru*

В своей статье «Понятие, признаки и элементы состава преступления» автор посредством духовно-правового исследования и научного определения общей теории и понятия преступления рассматривает и анализирует правовое значение отдельных элементов состава преступления, а также раскрывает влияние каждого элемента (объекта, субъекта, объективной и субъективной стороны состава преступления) на законодательное и правоприменительное определение разных категорий и видов преступлений, а также размеров наказаний для преступников, которые предусмотрены уголовным законодательством разных стран.

Ключевые слова: состав преступления, объект, субъект, объективная и субъективная стороны состава преступления, элементы состава преступления.

UDC 343

CONCEPT, SIGNS AND ELEMENTS OF THE OFFENSE

Osipyany B.A., Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Moscow, Russian Federation, *artos5@mail.ru*

In his article «The Notion, Signs and Elements of the Structure of a Crime» the author by means of spiritual and legal survey and scholarly definition of the general theory and concept of a crime considers and analyzes the legal meaning of separate elements of the structure of a crime, as well as reveals the influence of each element (the object, the subject, the objective and the subjective sides of the structure of a crime) on legislative and law enforcement definition of different categories and kinds of crimes and the sizes of punishments for the criminals provided by the criminal legislation of different countries.

Key words: the notion, signs and elements of the structure of a crime, legal meaning of separate elements of the structure of a crime, influence of each element (object, the subject, the objective and subjective party of structure of a crime) on legislative and law enforcement definition of different categories and kinds of crimes and the sizes of the punishments for the criminals provided by the criminal legislation.

Всякое уголовно наказуемое преступление представляет собой, прежде всего, общественно опасное и виновное деяние (действие или бездействие), совершенное определенными законом правовыми субъектами (вменяемыми и совершеннолетними лицами, достигшими определенного возраста) в нарушение системы наиболее значимых для общества и государства и правоохраняемых уголовным законодательством объектов, правомерных ценностей и целей (жизни, здоровья, достоинства, чести, имущества, прав и свобод людей, их личной и национальной безопасности, законной деятельности, устойчивого мира и здоровой окружающей среды), а также целостности определённых духовно-нравственных и иных существенных правоотношений, которые, в конечном счёте, составляют и образуют надлежащий и необходимый общественный правопорядок [1, с. 24–32].

Существенным и отличительным моментом в верном определении понятия преступления является мера или определенная степень общественной опасности законодательно предполагаемого противоправного деяния, проявление свободной и злой воли преступника в форме неправды, обмана, насилия или грубой неосторожности, от которых следует избавить обезличенную, отчуждённую или ис-

кажённую (деформированную) и раздробленную душу виновного правонарушителя как предусмотренного законом вменяемого субъекта совершённого вида преступления. Основная цель уголовного закона состоит в том, чтобы по мере возможности выявить совершённое преступление и затем посредством своевременного применения к виновному лицу законных санкций («sanction», т.е. очистительная мера воздействия) духовно и нравственно преобразить, исправить преступившего границы требований закона лица, как преступника, и по возможности полностью восстановить в нем добрую, свободную и ответственную волю, поощрять его сознательное, правомерное и законопослушное поведение посредством определенного духовно-нравственного, мировоззренческого, психологического, воспитательного, образовательного и культурного воздействия на его личность посредством применения к нему определённого вида и справедливого размера уголовного наказания в соответствующих исправительных и покаятельных («пенициантных» - от латинского слова «poenitentia», т.е. покаяние) учреждениях духовно и нравственно зрелого, культурного и правомерного государства [2, с. 7–11].

Представляется, что такое духовно-правовое учение и верное понимание юридических терминов преступления и наказания должно быть, прежде всего, у наиболее авторитетных теоретиков права [3, с. 59], учёных-правоведов и у большинства национально-государственных законодателей. Между тем большинство ученых-правоведов и законодателей искренно убеждены в том, что нет необходимости в теоретическом и законодательном определении и закреплении понятия преступления, поскольку, по их мнению, и так ясно, что всякое преступление, в общем, есть серьёзное правонарушение, опасное для всего общества. И это понятно. Тем не менее, предварительный краткий обзор соотношения понятий гражданского правонарушения, административного и дисциплинарного проступка может выявить то, что все эти виды правонарушений не только являются противоправными и общественно опасными деяниями, но также имеют свои существенные и характерные особенности, разную меру противоправности и общественной опасности, элементы своих составов: объекты, субъекты, объективные и субъективные стороны. Иными словами, понятие преступления, в отличие от других видов проступков и правонарушений, имеет некоторые объективно-субъективные особые свойства, качества и признаки, элементы своего состава, а также производные и присущие только им процессы их дознания, предварительного следствия и судебного рассмотрения, а также вытекающую из них необходимость и способы привлечения виновных лиц, вменяемых и виновных субъектов преступлений, к уголовно-правовой ответственности и применения к ним соответствующего видов, размеров и режимов уголовных наказаний и последствий правового положения их судимости на определённый законом и судом срок [4, с. 77].

Наиболее основными свойствами и явными признаками духовно-правового понятия уголовно наказуемого преступления являются понятие его изначальной противоправности [5; 6; 7] и определенной степени непосредственной или потенциальной общественной опасности, а также производные из всего этого вредные социальные последствия, привлечение виновного лица к личной («уголовной», т.е. способности каждого взрослого человека отвечать за свои поступки своей головой) ответственности, его публичное осуждение и справедливое наказание в зависимости от характера совершённого вида преступления, его особых признаков и элементов его состава, меры противоправности и общественной опасности и тяжести его последствий.

В этом свете представляется, что никое внешне кажущееся противоправным, неправомерным и общественно опасным действие или бездействие совершеннолетнего и юридически вменяемого человека, как субъекта уголовного права и закона, не может быть рассмотрено как правонарушение и тем более как преступление, если оно изначально не противоречит надлежащей и непреходя-

щей идее права и правомерного закона [8; 9; 10, с. 19–22, 23–26]. В то же время не всякое нежелательное и общественно осуждаемое безнравственное (аморальное) деяние, противоречащее надлежащей идее права, должно законодательно предусматриваться государством и контролироваться в качестве преступления и сурово наказываться, даже если оно кажется большинству людей не совсем благородным поступком и полностью противоречит духовно-нравственным ценностям, целям, принципами и традиционным нормам обычая того или иного народа и государства [11; 12; 13].

В этом смысле любое изначально противоправное деяние (действие или бездействие) всегда в той или иной мере потенциально или реально, непосредственно или опосредованно общественно опасно и вредно, так как способно причинить ущерб и явно расстроить сложившиеся в обществе наиболее важные и социально значимые духовно-нравственные ценности и правовые отношения, т.е. надлежащий и устойчивый социальный правопорядок [14]. Дело в том, что сам по себе факт общественной опасности того или иного совершённого деяния изначально и органически связан с противоправным посягательством на наиболее значимые для данного общества и государства правоохраняемые объекты, ценности и цели: жизнь, достоинство, здоровье или имущество человека и общественных учреждений. При этом непосредственная и реальная угроза общественному и государственному правопорядку возможна посредством неразумного, противоправного, общественно опасного, безответственного и виновного совершения преступником обмана, насилия, грубой неосторожности или иной неразумной или дерзкой самонадеянности или своеволия.

Известно то, что согласно многим историко-правовым памятникам, в частности, «Русской Правде» [15] преступление понималось как совершённая «неправда», т.е. не ведущее в одесную (правую сторону) Бога виновное и опасное деяние, или несправедливая «обида», безответственно нанесенная правонарушителем другому богообразному и разумному человеку. Согласно «Псковской Судной грамоте» 1467 года преступление стало рассматриваться также как богопротивная и несправедливая обида в отношении всего государства, а в «Судебнике» 1497 года, «Судебнике» 1550 года и «Соборном Уложении» 1649 года [16; 17; 18] преступлением считалось богопротивное, неразумное, противоправное безответственное и дерзкое совершение всякого «лихого», «злого дела» («злодеяние»), которое ощутимо нарушало устойчивость установленного социального мира и порядка [19, с. 7, 25, 44, 113].

Следует заметить, что не всякое общественно опасное деяние обязательно является преступлением, несправедливой «обидой» или «лихим делом», если оно по тем или иным причинам изначально не противоправно [20]). Например, причи-

нение смерти другому лицу, совершенное малолетним или невменяемым лицом, по законам многих цивилизованных стран не составляет понятия преступления со всеми вытекающими из этого отрицательными последствиями. Кроме этого, одно и то же, даже самое что ни на есть явное общественно опасное деяние, например, убийство человека, которое совершено совершеннолетним и вменяемым лицом, но в состоянии правомерной (или как обычно принято называть, «необходимой обороны»), точно так же не образует состава преступления, законодательно именуемого убийством. Не является убийством также причинение смерти или иного тяжкого телесного вреда, которое совершено во время и во исполнение предусмотренных законом служебных полномочий или профессиональных обязанностей, например, при необходимом задержании полицейским опасного и закоренелого преступника.

В то же время всякое изначально противоправное деяние, виновно совершённое правонарушение и в особенности преступление, всегда является общественно опасным действием или бездействием и требует соответствующего правомерного, целесообразного и благотворного воздействия на личность преступника, на его социально-правовое или имущественное состояние. Следовательно, необходимый признак противоправности или неправомерности в понятии и составе предусмотренного законом конкретного вида преступления является первоначальным, самым главным и основным, а возможный признак общественной опасности, т.е. противности воле и благосостоянию личности или безопасности общества, является производным и последующим.

Как видим, понятие противоправности является основой для понятия общественной опасности, как в этом убеждены большинство известных отечественных и зарубежных юристов прошлого и современности, а напротив, та или иная общественная опасность или угроза становятся неотъемлемым и последующим признаком понятия и необходимым элементом (объективной стороной) предусмотренного законом состава конкретного преступления по причине первоначальной противоправности совершённого деяния [21; 22; 23]. Это является весьма существенным моментом в верном определении и правильном понятии слова «преступление» и именно этот важный факт меняет устоявшиеся в теории права и науке уголовного права представления о понятии и правомерных целях уголовного наказания [24].

В определении понятии предусмотренных законом отдельных видов и составов преступлений, общественная опасность может быть не только наличной и реальной, т.е. уже причиненной а виде того или иного вреда со всеми вытекающими из нее юридическими последствиями, но также и возможной (потенциальной), т.е. еще не наступившей, хотя и реально нависшей и непосредственно угро-

жающей. Возможный, или потенциальный, характер скрытой и непроявившейся ещё общественной опасности со всей своей наглядностью и в полном объёме проявляется в составах, так называемых, «преступлений без последствий», т.е. в усеченных составах преступлений, например, на стадиях приготовления или покушения на совершение определенных видов преступлений. Например, согласно статье 226-1 УК ФРГ [25; 26; 27], при неправомерных тайных подслушиваниях телефонных разговоров, т.е. при незаконном посягательстве на охраняемую уголовным законом право частной жизни, приватности, интимности или конфиденциальности сугубо личных, неподконтрольных закону, человеческих общений и взаимоотношений, независимо от мотивов такого посягательства (любопытства, корысти, мести, ревности и т.д.) и последствий причиненного при этом морального или материального вреда, устанавливается уголовно-правовая ответственность виновных лиц и предусматривается законное наказание в виде лишения свободы сроком до одного года. Дело в том, что в данном случае наличествует факт возможной, или потенциальной общественной опасности, непосредственного и действительного посягательства на установленный законодательством общественный и конституционный правопорядок [28]. По этой же причине частью 5 статьи 35 и статьёй 210 УК РФ [29] законодательно предусмотрены и уголовно наказуемы потенциально общественно опасные действия, касающиеся преднамеренного преступного сговора и создания организованных преступных сообществ, равно как и всякое умышленное участие в них, а также начатое приготовление к совершению виновными лицами тяжких преступлений.

На том же правовом основании и по той же причине согласно статьям 205, 295 и 317 УК РФ считается преступной и уголовно наказуемой также всякая непосредственная и реальная угроза покушения или попытка покушения (формальный состав независимо от наличия наступивших вредных последствий) на жизнь государственного или общественного деятеля, на жизнь лица, осуществляющего предварительное следствие или правосудие, сотрудника правоохранительного органа в целях нарушения предусмотренной законом общественной безопасности, порядка осуществления публичной власти, управления, правосудия и охраны общественного правопорядка. Таким образом, необходимые признаки противоправности и общественной опасности, в том числе возможной (потенциальной) общественной опасности, являются обязательными в верном законодательном определении самого понятия преступления.

Представляется, что наиболее верным, полным, точным и подробным определением понятия преступления, которое следует ввести в текст и соответствующее положение-статью действующего Уголовного кодекса РФ, может быть следующее

определение понятия преступления: преступлением является предусмотренное законом противоправное, потенциально или реально опасное виновное деяние (действие или бездействие), за совершение которого виновное и юридически вменяемое лицо обязательно должно быть привлечено к уголовно-правовой ответственности и, как правило, справедливо и своевременно осуждено и наказано в соответствии с законодательно установленными видами и размерами санкций, обоснованным и законно вынесенным приговором суда.

Каковы же основные правомерные критерии законодательного определения и различения (видовой дифференциации) разных преступлений [30] в зависимости от элементов их состава («*corpus delicti*»), в частности, в зависимости от меры общественно-государственной значимости правоохраняемых объектов и целей, объективной стороны, способа, времени, места совершения и степени тяжести последствий предполагаемого преступления, особенностей его субъектов, субъективной стороны и других необходимых и право-значимых условий и иных обстоятельств, которые наличествовали при совершении того или иного вида преступления?

По мнению некоторых известных правоведов, в средневековых европейских государствах определение видов по степени (градация) их противоправности, общественной опасности и тяжести совершаемых преступлений производилось в зависимости от духовно-правовой оценки и опасности совершенного лицом деяния. По этой причине на первом месте стояли преступления, связанные с совершением виновным лицом смертных грехов, которые влекли за собой наиболее правоохраняемую ценность [31] – богоданную жизнь человека: причинение смерти грешной душе человека. Затем следовали иные тяжкие грехи и преступления, существенно наносящие вред всякой человеческой душе, но оставляющие возможность для виновных лиц быть помилованными в случае их деятельного раскаяния и пожизненного покаяния. После них следовали легкие грехи и преступления имущественного характера в зависимости от меры противоправности и объема причиненного или нанесенного вреда потерпевшему лицу [32, с. 187].

Нередко категории тяжести конкретных видов преступлений принято было определять исходя из уже законодательно установленных видов и размеров за их совершение уголовно-правовых санкций и наказаний. Однако, когда по тем или иным причинам эти санкции, или мера (вид и размер) предусмотренного законом уголовного наказания, были установлены законодателем не совсем обоснованно, т.е. без надлежащего учета правоохраняемых духовно-правовых ценностей и оснований, невольно делалась неосознанная законодательная ошибка и не совсем верное, правомерное и целесообразное определение самой категории тяжести конкретных видов преступлений со всеми

вытекающими из этого нежелательными (дисфункциональными) последствиями действия таких уголовно-правовых санкций, видов и размера предусмотренных законом уголовно-правовых мер воздействия и наказания преступников.

По степени убывающей тяжести все уголовные правонарушения и преступления во французском уголовном кодексе классифицируются на преступления, к которым относятся наиболее тяжкие и умышленно совершенные правонарушения; на проступки, т.е. менее тяжкие деяния, совершенные умышленно или по неосторожности, но за которые устанавливаются сравнительно более мягкие наказания, чем за совершение преступлений; и, наконец, просто правонарушения, т.е. малозначительные (не имеющие тяжких последствий) деяния, за совершение которых не устанавливается наказание в виде лишения виновного лица свободы, а назначаются только разного рода и размеров штрафы. Достоинно внимания и то, что преступления, проступки и иные уголовно-правовые нарушения во Франции расследуются разными правоохранительными органами: соответственно судами ассизов, исправительными трибуналами и полицейскими трибуналами, поскольку степень сложности и мера ответственность за их расследование и разрешение существенно разнятся.

Правомерная и целесообразная законодательная классификация тяжести преступлений должна исходить из характера и элементов состава законодательно предусмотренного деяния, и только после этого может законодательно определяться соответствующий им вид и размер, т.е. мера тяжести назначаемого наказания за их совершение. Только при таком логически последовательном процессе законодателю удастся избежать произвольного установления необоснованных видов и размеров уголовных наказаний с целью создания гармоничной системы взаимосвязанных и взаимно дополняемых необходимых и достаточных мер уголовно-правового воздействия на разного рода преступников в рамках единого по духу, содержанию и форме правомерного уголовного законодательства.

Естественно, может возникнуть вопрос: как же определить характер и меру противоправности, степень общественной опасности и вредности того или иного деяния как преступления и как они связаны с каждым элементом конкретного состава преступления или с другими правозначимыми обстоятельствами его совершения?

Мера или степень общественной опасности того или иного противоправного деяния изначально является духовно-правовой и оценочной категорией и потому представляет собой угрозу или реальное причинение вреда наиболее важным и правоохраняемым объектам, ценностям, целям, принципам, институтам, функциям и отношениям, которые охраняются законом, в нашем случае уголовным законом. Это в основном зависит от преобла-

дающих в данном обществе таких направляющих сил, как традиционная для данного народа вера и религия, официальная государственная идеология, экономический уклад и политический режим, уровень общей культуры и в особенности народного правосознания, повседневный образ жизни. Именно от верного восприятия и оценки действия этих факторов в значительной мере зависит законодательная оценка степени общественной опасности конкретного правонарушения, законодательные критерии его криминализации или декриминализации, либо классификации их на гражданско-правовые нарушения (деликты), дисциплинарные проступки, административные правонарушения и преступления, и, наконец, концептуальное и законодательное подразделение (дифференциация) преступлений на определенные законом категории с установлением соответствующих данным категориям видов и размеров целесообразных уголовных наказаний.

Подчеркивая существенное значение сохранения определенной соподчинённости (иерархии) правоохраняемых объектов и правомерных целей, известный английский мыслитель и философ Дж. Локк в этой связи писал: «Правитель, который мог сделать простительным воровство, все же не мог сделать законным клятвопреступление или измену, поскольку они разрушительны для человеческого общества» [33, с. 76]. Важность правоохраняемого объекта и цели преступного посягательства как составных элементов состава того или иного преступления, является необходимым условием («*condicio sine qua non*») для законодательного установления определенного состава и вида преступления. Без наличия правоохраняемого объекта, равно как и других основных элементов, никакое деяние не может рассматриваться в качестве преступления. Более того, социальная важность правоохраняемого объекта нередко является решающим ориентиром при определении степени общественной опасности данного преступления, и, стало быть, категории его тяжести. Например, в «Соборном Уложении» 1649 года [34] российский законодатель, сознавая православную христианскую религию в качестве идеологической и политической основы национального объединения и целостности государственной власти, наиболее тяжкими преступлениями признавал преступления, совершенные против чистоты православной веры. Поэтому государственная защита религии представляла собой защиту основ духовного, нравственного и национального самоопределения каждого русского человека, каждого члена общества и национально-государственной целостности всего народа. Далее по степени тяжести следовали преступления, совершенные непосредственно против государства и его органов, которые заняты поддержанием публичного правопорядка. На третьем месте стояли преступления, совершенные против установившейся социальной структуры общества. Например, в то

время в некоторых странах в качестве преступления рассматривалось такое деяние, как умышленное сокрытие своего сословного происхождения и социальной принадлежности.

В ныне действующем УК РФ по важности правоохраняемых объектов на первое место ставится жизнь человека, его достоинство, здоровье, права и свободы. Однако при этом сам законодатель оказывается не всегда верным, основательным и последовательным при законодательном определении видов и размеров уголовно-правовых санкций в соответствии с определенными видами преступлений, поскольку иногда жизнь, свобода и достоинство человека на деле оцениваются гораздо ниже, чем имущество физического или юридического лица или государства. Так, например, чрезмерно материалистически ориентированный армянский законодатель за совершение умышленного убийства устанавливает наказание в виде лишения свободы от шести до двенадцати лет, а за совершение кражи в особо крупных размерах от семи до тринадцати лет [35]. Примечательно то, что по недоразумению российский законодатель за похищение ценных предметов искусства устанавливает более строгое наказание, нежели за похищение человека или унижение его достоинства [36].

Наряду с учётом объекта преступного посягательства учёт особенностей предмета преступления также может оказаться весьма необходимым в процессе законодательного определения видов и правильной квалификации преступлений в правоохранительной и судебной практике. Так, например, в случаях незаконного присвоения чужой вещи (скажем, чемодана с большими материальными ценностями), если вещь сравнительно давно утеряна его собственником, её тайное хищение не может квалифицироваться как кража, а только как незаконное присвоение находки.

Подобно правоохраняемому объекту состава преступления, объективная сторона преступления, как внешнее проявление и зримые последствия преступного деяния, также имеет существенное значение для образования состава того или иного вида преступления и определения категории его тяжести. В формальных и усеченных составах преступлений объективная сторона выражается в конкретных действиях приготовления к преступлению или покушения на его совершение, о чем мы уже говорили выше. В тех случаях, когда действия виновного лица, формально подпадающие под определенную статью уголовного закона, малозначительны для совершения определенного преступления, оно не должно привлекаться к уголовной ответственности и подвергаться наказанию, предусмотренному законом. Например, если человек украл у своего соседа недорогую вещь (скажем, ручку, электрическую лампочку и т.п.), он может быть привлечен только к административной ответственности, несмотря на то, что совершил предусмотрен-

ренную уголовным законом общественно опасное деяние в виде кражи.

Если действия человека по соучастию в совершении тяжкого преступления по своему характеру и содержанию не представляют собой существенного фактического значения для совершения данного преступления, т.е. малозначительны, то он по этой причине не должен привлекаться к уголовной ответственности и отбывать уголовное наказание, тем более, если его действия не были совершены по собственному его замыслу и почину. К примеру, если во время бытовой ссоры с соседом муж приказал своей жене принести кухонный нож и послушная ему жена со страхом исполнила это его преступное приказание, а затем муж использовал этот нож для злоумышленного нанесения тяжких телесных повреждений этому соседу, то действия жены, хотя формально и подпадают под определенную статью уголовного закона, не могут рассцениваться как тяжкое и уголовно наказуемое преступление.

Тем не менее, не всегда и не во всех странах малозначительные действия остаются вне поля зрения и действия положений уголовного законодательства и применения наказания. Например, уголовное законодательство Великобритании устанавливает институт совокупных малозначительных противоправных деяний, которые, хотя в отдельности не составляют преступления, но взятые вместе и в целом образуют состав предусмотренного законом преступления, называемого публичным досаждением («public nuisance»). Как-то в процессе рассмотрения одного уголовного дела английский суд признал, что совокупность непристойных разговоров по телефону с различными женщинами, которые по отдельности, хотя и не составляют преступления, все же в своей совокупности должны быть признаны преступлением, поскольку данное поведение виновного лица фактически причиняет всему обществу большие проблемы и неудобства и потому в итоге образуют собой серьезное преступление [37, с. 35].

Для образования состава конкретного вида преступления действие или бездействие субъекта уголовного права и виновника правонарушения должно также иметь объективную причинную связь с вытекающими из него вредными последствиями, иначе деяние не составляет преступления. Например, если некий больной человек в больнице скончался из-за внезапного сердечного приступа, а не по причине отказа врача выполнить свои профессиональные обязанности по лечению этого больного, то бездействие врача вряд ли можно квалифицировать как убийство, если сердечный приступ больного не имел причинной связи с преступным отказом этого врача от своевременного выполнения своего профессионального долга и оказания больному надлежащей медицинской помощи на основании статьи 124 УК РФ.

Для того чтобы состав преступления был достаточным и полным, необходимо наличие действия или бездействия (неправомерное воздержание от выполнения необходимых действий или законодательно установленных обязанностей), а не только злое намерение, поскольку за свои, пусть даже самые злые и чудовищные, но низменные помыслы и постыдные желания и мысли человек не может нести уголовную ответственность, хотя и неизбежно несет нравственную ответственность и, как правило, испытывает на себе не менее тяжелое наказание в виде угрызений совести [38].

Для законодательного установления состава преступления существенна также роль средств и способов совершения предполагаемого преступления. Так, например, если незаконная охота осуществляется без применения механического транспортного средства или взрывчатых веществ, то она не образует состава преступления в соответствии с частью 1 статьи 258 УК РФ, но образует состав административного правонарушения в соответствии со ст. 85 Кодекса об административных правонарушениях РФ. В определенных случаях место и время совершения преступления могут быть включены в состав преступления в качестве квалифицирующего признака. Так, например, согласно части 1 статьи 256 УК РФ уголовно наказуемым преступлением считается незаконная охота в определенных местах и в определенное время. То же самое деяние, совершённое в других местах или в другое время, либо в том же месте, но в другое время, по УК РФ уже не образует состава указанного вида преступления.

Учитывая определенные тонкости оценки объективной стороны предусматриваемого преступления, законодатель иногда оставляет ее восприятие на степени зрелости и доброй совести [39] и правосознания самого потерпевшего от совершённого преступления лица. Например, если оклеветанный и оскорбленный человек не считает нужным подать заявление в правоохранительные органы или суд на действия своего неразумного обидчика, то данные противоправные действия по действующему российскому законодательству не характеризуются как преступное оскорбление и по этому поводу уголовное дело не должно быть возбуждено.

В целях правомерного определения составов различных видов преступлений законодатель должен уделить особое внимание правовому положению и некоторым личным качествам самого субъекта преступления. Во-первых, для того, чтобы быть вменяемым, субъект преступления как таковой должен иметь определенную меру осознания характера своих действий и их последствий, а также полную способность контролировать их и руководить ими. Если для всего этого он не достиг определенного возраста или если он имеет не совсем нормальное психическое состояние и невменяем, то он не может стать субъектом привлечения к уго-

ловной ответственности и наказания, подобно другим совершеннолетним, зрелым и психически здоровым гражданам. В некоторых случаях, чтобы стать субъектом определенного вида преступления, человек должен достигнуть определённого возраста, либо принадлежать определённому полу, обладать специальными свойствами, знаниями, способностями, заниматься определенной профессиональной деятельностью, занимать определенную должность. Что касается возраста субъекта преступления, то он в разных странах по разным причинам законодательно оценивается по-разному [40; 41].

Во многих современных государствах мира уголовная правосубъектность, или криминальный возраст, относительно совершения отдельных видов преступлений законодательно определён и установлен. Так, например, в Ирландии и Индии уголовная ответственность за совершение некоторых видов преступлений (убийства и иных тяжких насильственных преступлений) устанавливается с семилетнего возраста. В Новой Зеландии и Англии криминальный возраст за убийство начинается с десяти лет, а за совершение других тяжких преступлений, например, за изнасилование, с четырнадцати лет. За совершение нетяжких преступлений криминальный возраст субъектов преступления дифференцирован: он начинается с семнадцати лет и доходит до двадцатилетнего возраста. Во Франции к уголовной ответственности могут привлекаться подростки, достигшие тринадцатилетнего возраста. В Германии, Италии, Японии и России, а также во многих штатах США уголовная ответственность устанавливается с четырнадцатилетнего возраста, хотя в штате Луизиана этот возраст составляет десять лет, в штатах Джорджия и Иллинойс он составляет тринадцать лет, в Техасе и Нью-Гемпшире – пятнадцать лет, в Нью-Йорке – шестнадцать лет. В некоторых странах за совершение преступлений несовершеннолетними в возрасте до четырнадцати лет уголовную ответственность несут их родители или опекуны как за преступное бездействие в деле их надлежащего воспитания.

Согласно статье 19 УК РФ не является преступлением деяние, совершенное физическим лицом, которое не достигло возраста соответственно четырнадцати и шестнадцати лет. Статья 20 УК Испании [42] гласит, что лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста, не подлежат уголовной ответственности по настоящему Кодексу, а только по закону об уголовной ответственности несовершеннолетних. Для достижения состояния уголовной правосубъектности также необходимо, чтобы лицо, совершившее противоправное и общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законодательством, было психически здоровым и полностью вменяемым. Согласно уголовному законодательству некоторых штатов США и Италии не подлежит уголовной ответственности также совершеннолетний и вменяемый человек,

если он в момент совершения преступления по причине своих физических недостатков (например, глухонемые или иных психофизических недостатков) не мог бы быть способным вполне осознавать общественную опасность и по свободной своей воле желать совершения противоправных действий, либо если он в этот момент находился в состоянии алкогольного или наркотического опьянения поневоле. По японскому уголовному законодательству считаются действующими в бессознательном состоянии и не способными контролировать свои действия также лица, которые давно страдают состоянием лунатизма.

Некоторые виды законодательно установленных законом преступлений определены с учетом существенных особенностей пола, профессии и занимаемой в момент совершения преступления должности субъекта преступления. Например, субъектом такого тяжкого преступления, как изнасилование, на основании статьи 131 УК РФ может быть только достигший половой зрелости взрослый и здоровый мужчина, несмотря на то, что это противоречит конституционному принципу равенства всех граждан перед законом независимо от их пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств, предусмотренных статьей 4 УК РФ [43]. На основании статьи 290 УК РФ субъектом получения взятки могут быть только определённые должностные лица, которые облечены особыми полномочиями осуществления государственной власти, управления и конституционного правопорядка [44].

Довольно важным элементом в составе всех видов преступлений является также субъективная сторона данного вида преступления, форма вины, умысла или неосторожности, а также степень напористости (интенсивности) проявления противоправной, общественно опасной и злой воли самого преступника.

На основании части 2 статьи 24 УК РФ [45], если виновное лицо совершило противоправное деяние не по злему умыслу, а по неосторожности, то его деяние только тогда представляет собой преступление, если оно специально предусмотрено соответствующей статьей «Особенной части» УК РФ. Иными словами, не всякое неосторожное противоправное причинение морального или материального вреда должно быть рассмотрено как преступление без учёта внутреннего, душевного состояния субъекта данного правонарушителя, причинившего данный вред.

В тех случаях, когда произошла непреодолимая ошибка в факте или в оценке противоправности совершённого деяния (например, когда человек по невнимательности нечаянно перепутал на аэровокзале свой чемодан с чужим чемоданом; или если мужчина из-за провокационного поведения

своей знакомой девушки вступил с ней в половую связь, не подозревая о скрытом несогласии последней, то все подобные запрещённые законом действия, совершённые без злого умысла, не должны быть формально оценены как соответствующие виды преступлений. Если же допущенные ошибки можно было легко преодолеть правонарушителю, однако он, как законопослушный человек, всё же не имел злого намерения нарушить закон страны его пребывания, то его противозаконные действия нужно квалифицировать как, по крайней мере, неосторожно совершенные, и при этом назначить существенно более мягкую меру, вид и размер уголовного наказания. Такой вполне разумный и учтывый (дифференцированный) порядок, например, уже законодательно установлен в статье 14 УК Испании [46].

Как отдельный и важный элемент состава преступления, субъективная сторона того или иного вида преступления может иногда иметь самое решающее правовое значение для верной оценки конкретного противоправного и общественно опасного деяния в качестве преступного или не преступного действия или бездействия. Например, если человек умышленно разбил свой дорогостоящий автомобиль с целью получения предусмотренной законом выгодной для него страховой суммы, то его корыстное деяние составляет преступление в виде мошенничества. Однако если он сделал то же самое без наличия у него корыстного намерения, а

просто для очередной забавы или развлечения, то в его разрушительных действиях нет состава указанного преступления.

Не могут также законодательно считаться в качестве преступлений действия разумного и вменяемого человека, когда его свободная ответственная воля отключена какими-то не зависящими от него внутренними или внешними обстоятельствами (например, если он по стечению обстоятельств находился перед лицом голодной смерти и был вынужден для своего физического выживания совершить мелкую кражу или даже открытое ограбление простых продуктов питания или те же действия он совершил под воздействием внешнего принуждения или внутреннего страха за свою жизнь и потому стал фактически не способным вести себя вполне разумно и ответственно [47; 48], а воля его оказалась недостаточно сильной для нормального сосредоточения всех своих умственных, душевных и иных способностей для должного воздержания от совершения таких преступных действий. Представляется, что указанные обстоятельства и условия также должны обязательно учитываться опытным законодателем при установлении правомерных и целесообразных положений действующего национально-государственного законодательства, предусматривающих уголовную ответственность и наказание за совершение тех или иных видов и составов преступлений.

Литература

1. *Осипян Б.А.* Надлежащий социальный правопорядок как первооснова и конечная цель действия человеческого правосознания и правомерного закона // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2016. № 1. С. 24–32.
2. *Осипян Б.А.* Критерии правомерности типов и форм государства // История государства и права. 2007. № 18. С. 7–11.
3. *Осипян Б.А.* Смысл истинной теории и философии права // Вопросы правоведения. 2010. № 2. С. 59–77.
4. *Осипян Б.А.* Основание и система правовой ответственности и наказания: различие понятий «imputatio», «indictare», «sanctio», «poena» // Современное право. 2007. № 5. С. 77–85.
5. *Осипян Б.А.* О необходимости религиозного измерения права // Представительная власть – XXI век. 2005. № 2. С. 26–28.
6. *Осипян Б.А.* Определение понятия права // Современное право. 2007. № 2. С. 34–42.
7. *Осипян Б.А.* Понятие правометрии, или межерологии права // Государство и право. 2005. № 8. С. 14–19.
8. *Осипян Б.А.* Правомерный закон и законодательный произвол // Адвокат. 2009. № 7. С. 83–88.
9. *Осипян Б.А.* О необходимости религиозного измерения права // Представительная власть – XXI век. 2005. № 2. С. 26–28.
10. *Осипян Б.А.* Религиозное происхождение и взаимодействие принципов и норм нравственности и права // Представительная власть – XXI век. 2006. № 6, 7. С. 19–22; 23–26.
11. *Осипян Б.А.* Соотношение и взаимодействие норм религии, правосознания и закона // Религия и право. 2003. № 3. С. 18–21.
12. *Осипян Б.А.* Процессы взаимодействия обычая и права // Современное право. 2006. № 4. С. 51–57.
13. *Осипян Б.А.* Двойственный характер и пределы действия закона // Современное право. 2010. № 10. С. 13–18.
14. *Осипян Б.А.* Надлежащий социальный правопорядок как первооснова и конечная цель действия человеческого правосознания и правомерного закона // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2016. № 1. С. 24–32.

15. *Осиян Б.А.* «Русская Правда» как зародыш русского права // «Lex Russica». 2011. № 4. С. 651–667; Религия и право. 2011. № 4. С. 39–46.
16. *Осиян Б.А.* Русский Судебник 1497 года как право–идеологическая основа зарождения централизованного государства // История государства и права. 2011. № 4. С. 23–27.
17. *Осиян Б.А.* Судебник 1550 года, «Домострой» и иные уставные царские грамоты и указы как законодательное проявление святорусского правосознания // История государства и права. 2012. № 17. С. 13–20.
18. *Осиян Б.А.* Соборное Уложение 1649 года как гарантия «равной расправы и суда» при «тягловом строе» // Современное право. 2015. № 3. С. 154–159.
19. Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период. М., 1990. С. 7, 25, 44, 113.
20. *Осиян Б.А.* Право как верный путь к порядку и душеспасению, или два главных вектора действия надлежащей и непреходящей идеи права // Религия и право. 2015. № 3; Вестник развития науки и образования. 2015. № 4. С. 4–20.
21. *Осиян Б.А.* Определение понятия права // Современное право. 2007. № 2. С. 34–42.
22. *Осиян Б.А.* Право как верный путь к порядку и душеспасению, или два главных вектора действия надлежащей и непреходящей идеи права // Религия и право. 2015. № 3; Вестник развития науки и образования. 2015. № 4. С. 4–20.
23. *Осиян Б.А.* Правомерные цели надлежащей и долговременной конституции // Вопросы правоведения. 2011. № 3. С. 46–70.
24. *Осиян Б.А.* Основание и система правовой ответственности и наказания: различие понятий «imputatio», «indictare», «sanctio», «roepa» // Современное право. 2007. № 5. С. 77–85.
25. Уголовный кодекс ФРГ. М.: МГУ, 1996.
26. Уголовный кодекс Италии. М., 1991.
27. Уголовный кодекс Испании. М., 1998.
28. *Осиян Б.А.* Защита органами конституционного правосудия России основ правопорядка, достоинства, общепризнанных прав и свобод личности // Современное право. 2006. № 11. С. 26–31.
29. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 года № 63–ФЗ // Собр.законодательства Рос. Федерации. 2006. № 25, ст. 2954.
30. *Осиян Б.А.* Конституционная система правомерных критериев законотворчества // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 23. С. 2–8.
31. *Осиян Б.А.* О правоохраняемых духовно–нравственных ценностях и целях, которые конституционализируют жизнь каждого человека и народа // Вопросы правоведения. 2010. № 4 (8). С. 150–166.
32. *Berman H.J.* Law and Revolution. The Formation of the Western Legal Traditions. Harvard (Mass.), 1983. P. 187.
33. *Локк Дж.* Сочинения: в 3 т. Т. 3. М., 1985–1988. С. 76.
34. *Осиян Б.А.* Соборное Уложение 1649 года как гарантия «равной расправы и суда» при «тягловом строе» // Современное право. 2015. № 3. С. 154–159.
35. Уголовный кодекс Республики Армения. Ереван, 1998.
36. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 года № 63–ФЗ // Собр.законодательства Рос. Федерации. 2006. № 25, ст. 2954.
37. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть. М., 2001. С. 35.
38. *Осиян Б.А.* Правовое значение действия доброй совести человека // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2016. № 2. С. 10–18.
39. *Осиян Б.А.* Указ. соч. С. 10–18.
40. *Осиян Б.А.* Религиозное происхождение и взаимодействие принципов и норм нравственности и права // Представительная власть – XXI век. 2006. № 6, 7. С. 19–22; 23–26.
41. *Осиян Б.А.* Влияние различных религий на правосознание и законы народов // Религия и право. 2007. № 2–3. С. 31–39.
42. Уголовный кодекс Испании. М., 1998.
43. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 года № 63–ФЗ // Собр.законодательства Рос. Федерации. 2006. № 25, ст. 2954.
44. *Осиян Б.А.* Возможности укрепления правовых основ Российского государства органами конституционного правосудия. М., 2009.
45. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 года № 63–ФЗ // Собр.законодательства Рос. Федерации. 2006. № 25, ст. 2954.
46. Уголовный кодекс Испании. М., 1998.
47. *Осиян Б.А.* Достоинство человека как высшая правоохраняемая ценность // Вопросы правоведения. 2011. № 1 (9). С. 85–101.

48. *Осипян Б.А.* Смысл жизни человека в контексте непреходящей идеи права // Вопросы правове-
дения. 2012. № 1. С. 23–40.

References

1. *Osipyany B.A.* Nadlezhashchii sotsial'nyi pravoporyadok kak pervoosnova i konechnaya tsel' deistviya chelovecheskogo pravosoznaniya i pravomernogo zakona // «Chernye dyry» v rossiiskom zakonodatel'stve. 2016. № 1. S. 24–32.
2. *Osipyany B.A.* Kriterii pravomernosti tipov i form gosudarstva // Istoriya gosudarstva i prava. 2007. № 18. S. 7–11.
3. *Osipyany B.A.* Smysl istinnoi teorii i filosofii prava // Voprosy pravovedeniya. 2010. № 2. S. 59–77.
4. *Osipyany B.A.* Osnovanie i sistema pravovoi otvetstvennosti i nakazaniya: razlichenie ponyatii «imputatio», «indictare», «sanctio», «poena» // Sovremennoe pravo. 2007. № 5. S. 77–85.
5. *Osipyany B.A.* O neobkhodimosti religioznogo izmereniya prava // Predstavitel'naya vlast'–XXI vek. 2005. № 2. S. 26–28.
6. *Osipyany B.A.* Opredelenie ponyatiya prava // Sovremennoe pravo. 2007. № 2. S. 34–42.
7. *Osipyany B.A.* Ponyatie pravometrii, ili mezherologii prava // Gosudarstvo i pravo. 2005. № 8. S. 14–19.
8. *Osipyany B.A.* Pravomernyi zakon i zakonodatel'nyi proizvol // Advokat. 2009. № 7. S. 83–88.
9. *Osipyany B.A.* O neobkhodimosti religioznogo izmereniya prava // Predstavitel'naya vlast' – XXI vek. 2005. № 2. S. 26–28.
10. *Osipyany B.A.* Religioznoe proiskhozhdenie i vzaimodeistvie printsipov i norm npravstvennosti i prava // Predstavitel'naya vlast' – XXI vek. 2006. № 6, 7. S. 19–22; 23–26.
11. *Osipyany B.A.* Sootnoshenie i vzaimodeistvie norm religii, pravosoznaniya i zakona // Religiya i pravo. 2003. № 3. S. 18–21.
12. *Osipyany B.A.* Protsessy vzaimodeistviya obychnaya i prava //Sovremennoe pravo. 2006. № 4. S. 51–57.
13. *Osipyany B.A.* Dvoistvennyi kharakter i predely deistviya zakona //Sovremennoe pravo. 2010. № 10. S. 13–18.
14. *Osipyany B.A.* Nadlezhashchii sotsial'nyi pravoporyadok kak pervoosnova i konechnaya tsel' deistviya chelovecheskogo pravosoznaniya i pravomernogo zakona // «Chernye dyry» v rossiiskom zakonodatel'stve. 2016. № 1. S. 24–32.
15. *Osipyany B.A.* «Russkaya Pravda» kak zarodysh russkogo prava // «Lex Russica». 2011. № 4. S. 651–667; Religiya i pravo. 2011. № 4. S. 39–46.
16. *Osipyany B.A.* Russkii Sudebnik 1497 goda kak pravo–ideologicheskaya osnova zarozhdeniya tsentralizovannogo gosudarstva // Istoriya gosudarstva i prava. 2011. № 4. S. 23–27.
17. *Osipyany B.A.* Sudebnik 1550 goda, «Domostroi» i inye ustavnnye tsarskie gramoty i ukazy kak zakonodatel'noe proyavlenie svyatorusskogo pravosoznaniya // Istoriya gosudarstva i prava. 2012. № 17. S. 13–20.
18. *Osipyany B.A.* Sobornoe Ulozhenie 1649 goda kak garantiya «ravnoi raspravy i suda» pri «tyaglovom stroe» // Sovremennoe pravo. 2015. № 3. S. 154–159.
19. Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava SSSR. Dooktyabr'skii period. M., 1990. S. 7, 25, 44, 113.
20. *Osipyany B.A.* Pravo kak vernyi put' k poryadku i dushespaseniyu, ili dva glavnykh vektora deistviya nadlezhashchei i neprekhdoyashchei idei prava // Religiya i pravo. 2015. № 3; Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya. 2015. № 4. S. 4–20.
21. *Osipyany B.A.* Opredelenie ponyatiya prava // Sovremennoe pravo. 2007. № 2. S. 34–42.
22. *Osipyany B.A.* Pravo kak vernyi put' k poryadku i dushespaseniyu, ili dva glavnykh vektora deistviya nadlezhashchei i neprekhdoyashchei idei prava // Religiya i pravo. 2015. № 3; Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya. 2015. № 4. S. 4–20.
23. *Osipyany B.A.* Pravomernye tseli nadlezhashchei i dolgovremennoi konstitutsii // Voprosy pravovedeniya. 2011. № 3. S. 46–70.
24. *Osipyany B.A.* Osnovanie i sistema pravovoi otvetstvennosti i nakazaniya: razlichenie ponyatii «imputatio», «indictare», «sanctio», «poena» // Sovremennoe pravo. 2007. № 5. S. 77–85.
25. Ugolovnyi kodeks FRG. M.: MGU, 1996.
26. Ugolovnyi kodeks Italii. M., 1991.
27. Ugolovnyi kodeks Ispanii. M., 1998.
28. *Osipyany B.A.* Zashchita organami konstitutsionnogo pravosudiya Rossii osnov pravoporyadka, dostoinstva, obshchepriznannykh prav i svobod lichnosti // Sovremennoe pravo. 2006. № 11. S. 26–31.
29. Ugolovnyi kodeks RF ot 13 iyunya 1996 goda № 63–FZ // Sobr.zakonodatel'stva Ros. Federatsii. 2006. № 25, st. 2954.

30. *Osipyán B.A.* Konstitutsionnaya sistema pravomernykh kriteriev zakonotvorchestva // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2008. № 23. S. 2–8.
31. *Osipyán B.A.* O pravookhranyaemykh dukhovno–nравstvennykh tsennostyakh i tselyakh, kotorye konstitutsionaliziruyut zhizn' kazhdogo cheloveka i naroda // Voprosy pravovedeniya. 2010. № 4 (8). S. 150–166.
32. *Berman H.J.* Law and Revolution. The Formation of the Western Legal Traditions. Harvard (Mass.), 1983. P. 187.
33. *Lokk Dzh.* Sochineniya: v 3 t. T. 3. M., 1985–1988. S. 76.
34. *Osipyán B.A.* Sobornoe Ulozhenie 1649 goda kak garantiya «ravnoi raspravy i suda» pri «tyaglovom stroe» // Sovremennoe pravo. 2015. № 3. S. 154–159.
35. Ugolovnyi kodeks Respubliki Armeniya. Erevan, 1998.
36. Ugolovnyi kodeks RF ot 13 iyunya 1996 goda № 63-FZ // Sobr.zakonodatel'stva Ros. Federatsii. 2006. № 25, st. 2954.
37. Ugolovnoe pravo zarubezhnykh gosudarstv. Obshchaya chast'. M., 2001. S. 35.
38. *Osipyán B.A.* Pravovoe znachenie deistviya dobroj sovesti cheloveka // «Chernye dyry» v rossiiskom zakonodatel'stve. 2016. № 2. S. 10–18.
39. *Osipyán B.A.* Ukaz. soch. S. 10–18.
40. *Osipyán B.A.* Religioznoe proiskhozhdenie i vzaimodeistvie printsipov i norm нравstvennosti i prava // Predstavitel'naya vlast' – XXI vek. 2006. № 6, 7. S. 19–22; 23–26.
41. *Osipyán B.A.* Vliyanie razlichnykh religii na pravosoznanie i zakony narodov // Religiya i pravo. 2007. № 2–3. S. 31–39.
42. Ugolovnyi kodeks Ispanii. M., 1998.
43. Ugolovnyi kodeks RF ot 13 iyunya 1996 goda № 63-FZ // Sobr.zakonodatel'stva Ros. Federatsii. 2006. № 25, st. 2954.
44. *Osipyán B.A.* Vozmozhnosti ukrepleniya pravovykh osnov Rossiiskogo gosudarstva organami konstitutsionnogo pravosudiya. M., 2009.
45. Ugolovnyi kodeks RF ot 13 iyunya 1996 goda № 63-FZ // Sobr.zakonodatel'stva Ros. Federatsii. 2006. № 25, st. 2954.
46. Ugolovnyi kodeks Ispanii. M., 1998.
47. *Osipyán B.A.* Dostoinstvo cheloveka kak vysshaya pravookhranyaemaya tsennost' // Voprosy pravovedeniya. 2011. № 1 (9). S. 85–101.
48. *Osipyán B.A.* Smysl zhizni cheloveka v kontekste neprekhodyashchei idei prava // Voprosy pravovedeniya. 2012. № 1. S. 23–40.

*Поступила в редакцию 13 мая 2016 г.
Received 13 May, 2016*